

ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ НАЦИИ И КВАЗИЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В СКФО)

Буданов М.А.* (Россия, г. Москва)

Аннотация. Специфика Северо-Кавказского макрорегиона помимо всего прочего заключается в редком сочетании разнородных угроз идеологического порядка, среди которых исламизм занимает первое, но далеко не единственное место. Сюда также следует отнести пантюркизм, панкавказизм, а также комплекс идей о политическом самоопределении адыгской нации. Плодом таких коллективных мечтаний оказывается возникновение квазицивилизационных проектов – оформленных представлений об альтернативном пути политического и культурного развития данного социума, конфликтующих с господствующим дискурсом.

Ключевые слова: российская гражданская нация, двойная лояльность, массовое историческое сознание, национальная и конфессиональная идентичность, российская цивилизация

Политическая нация, также как и государство, не может существовать без территории. Эта прописная истина в российском случае вступает в противоречие с исторической традицией, поскольку нация вроде бы есть, но существует она в географическом смысле там же, где частично оказывается ареал развития разных культурно-исторических типов, как существующих, так и воображаемых (к числу первых отнесем, например, исламскую, буддистскую). Добавим, что здесь кроется одна из предпосылок этно-сепаратизма в Российской Федерации. Кроме того, бытование в массовом сознании каких-либо идейно-политических комплексов, отрицающих российскую политическую систему, общественный строй, суверенитет, порождает широкий спектр угроз, потенциально опасно возникновением разрушительной инерции для нашего общества и государства. Мы оказались в ситуации, когда любое мощное экономическое и социальное потрясение может привести к началу сценария новой Смуты, революции, гражданской войны только потому, что часть населения страны видит некую цивилизационную альтернативу развития России или ее частей, винит во всех социально-экономических и прочих трудностях само существование нашего государства.

Пространственная проекция национального вопроса – вообще первопричина многих исторических бед современной России. Например, разрастание проблемы двойной лояльности в постсоветский период в значительной степени обусловлено этнокультурной неоднородностью территории нашей страны. С одной стороны, здесь проглядывает та самая путаница в понимании нации, которую мы наблюдаем сегодня в российской информационной среде: нация – это и есть этнос, стадия эволюции этноса, исторически и политически зрелый, сложившийся этнос. Раз есть этнос, значит, у него должна быть своя земля (территория проживания). Если на эту землю распространяется суверенитет какого-либо государства, то лучше (надежнее, крепче, стабильнее) если бы это государство было образовано по этническому принципу. Налицо стереотип, прошедший на Западе в своем длительном развитии через стадии просвещенческого либерализма, гегельянства, марксизма и почему-то столь прочно обосновавшийся в России, дважды потрясший наше государство – в 1917 и 1991 гг. Природа этих потрясений ныне проясняется все отчетливее. Из вышеприведенных составляющих этногосударственного стереотипа следует логичное заключение: государство, сложившееся не по этническому принципу априори неустойчиво и исторически несправедливо к народам, в его составе оказавшимся. То, что этот дискурс чисто западный по своему происхождению, легко доказать, вспомнив историю возникновения этнонационализма, шовинизма, вспомнив, как легко принял западный мир тезис о разделенной германской нации в межвоенный период, как всерьез гитлеровское руководство Германии полагалось в своих планах на Восточном фронте на неизбежность раскола советского общества по этническому принципу в случае германско-

* Буданов Максим Александрович – к.и.н., доцент кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

го вторжения. Наконец, вспомнив, под какими лозунгами раскачивались и разрушались колониальные империи в XIX и XX вв.

Более сложным нам представляется вопрос, почему этот дискурс «прижился» в российской истории и в российской политической действительности? В настоящей статье нет достаточно места для его всестороннего рассмотрения, но можно наметить определенный путь рассуждения. В Российском государстве, которому изначально была чужда этническая модель политогенеза, долгое время работал конфессиональный принцип, доставшийся отчасти «по наследству» от Византии. Затем, со времени Петра I возобладал очень не четко сформулированный принцип светской империи с династийным каркасом института подданства и сословной моделью общества. Упрощенно рассуждая, можно сказать, что это было позаимствовано уже у западной Европы. И вот когда в начале XX в. рухнула российская имперская конструкция, а затем затрещали швы западных колониальных держав, в сознании многих российских либеральных интеллектуалов и революционеров возобладала этническая модель государства. Подчеркнем – речь идет не об актуальном способе политического существования, а о способе объяснения имеющейся политической действительности.

Ныне российскому руководству приходится иметь дело с политической и административной системой, сложившейся в совершенно иных исторических условиях. Территориализация этничности, доставшаяся по наследству от СССР вкупе с федеративным устройством, есть неустранимая на сегодняшний день данность. От нее закономерно зависят и политический процесс, и идеологическая работа. Как следствие, этнотерриториальную специфику приобретают и политические риски в современной России. Прежде всего, имеются ввиду возможные этносепаратистские поползновения в административно-территориальных образованиях, организованных когда-то по этническому признаку.

Однако главная опасность для устойчивого существования современного Российского государства даже не в этом. Исторический опыт показывает, что, во-первых, моноэтнические государства довольно редки, а во-вторых, общество, особенно с преобладанием традиционного уклада, как правило, не удовлетворяется политическим путем моноэтнического государственного строительства. Исторически активные социумы (боюсь сказать, акматически перегревшиеся) непостижимым образом стремятся к выполнению более амбициозных и смелых задач, чем сотворение просто уютной национальной квартиры, т.е. их историческая биография рано или поздно выскальзывает за рамки моноэтнической государственной модели. Наконец, самое важное в данной части нашего рассуждения. Сформулированная цель национального развития есть интеллектуальный продукт. Даже не нашедшая своего воплощения национальная идея пленяет умы и захватывает души, становится путеводной звездой в борьбе за ... Она длительное время может находиться в «спящем» состоянии, быть уделом отщепенцев, диссидентов или бродячих дервишей. Но в час «X» она хочет оказаться на знамени армии борцов. И чем смелее и масштабнее подобные мечты, тем притягательнее идея для потенциальных лидеров (пассионариев?). Пошлый лозунг о праве нации на самоопределение может легко смениться на глобальную претензию в самом захолустном уголке рыхлой и ослабленной империи.

Этому нас учит, например, история распада Российской империи после 1917 г. Многие националистические движения после раскачки общероссийской политической обстановки с февральской революции относительно быстро обретали какие-либо наднациональные цивилизационные ориентиры. Польша «вспомнила», что она – оплот Европы в противостоянии восточному варварству (теперь – в обличье большевизма). Валидовщина откровенно обратилась к готовым пантюркистским лозунгам. Паниславистские и пантюркистские идеи уживались в головах у лидеров мусаватистов. Бастионами европейской цивилизации мнили себя по отдельности как дашнаки, так и грузинские националисты. Список этот будет бесконечен. Суть в том, что почти везде мы видим в сепаратистских движениях похожий сдвиг от узконациональной шовинистической платформы к более масштабной исторической самооценке, облеченной в макрорегиональные или даже глобальные образы, хоты бы на уровне цивилизационных фантазий у разнокалиберных вождей.

Не стоит думать, что с распадом СССР и включением бывших его республик в общемировые глобализационные процессы такие геополитические соблазны на постсоветском пространстве поблекли. Подчас они обретают вполне зримые очертания в интеллектуальных играх недоброжелателей нашего

государства, что в данной статье и предлагается именовать квазицивилизационными проектами (определение ниже). Яркий (и весьма трагический) пример подобных процессов показала идейная эволюция сепаратизма в Чеченской республике в 1990-е гг., который на каждом новом этапе своего развития все более приобретал черты исламского фундаментализма. Все исследователи данного вопроса сходятся на изначальных внеисламистских устремлениях дудаевского режима. Чеченскому обществу в начале 1990-х гг. не только были присущи этнонационалистические настроения (приобретшие со временем весьма устрашающие формы). Очень важной особенностью того времени также можно считать массовые предпочтения адата шариату, формальное отношение к исламской модели поведения, популярность лозунгов о создании моноэтнического суверенного государства. Это привело и к разделу ЧИАССР на Чечню и Ингушетию, и к массовому выдавливанию и к резне нечеченского населения, прежде всего, русского. В риторике Джохара Дудаева и его близкого окружения в 1991–1994 гг. больше были заметны утверждения о светском и демократическом государстве, чем отсылки к мусульманскому единству и противостоянию России на религиозной почве [4, с. 72]. Причины подобного идеологического выбора довольно прозрачны – чеченское сообщество, несмотря на этнокультурное своеобразие, все-таки было на тот момент по своему менталитету более советским нежели исламским и не готово к столь резкой смене модели коллективного поведения [7, с. 206, 219]. Начало известных событий в ноябре 1994 г. привело к идеологическому повороту элиты самопровозглашенной Ичкерии от этнонационализма к исламизму. Во-первых, это вызывало симпатии и всевозможную поддержку, в том числе финансовую, самых разнородных сил в мусульманском мире от арабских стран до Пакистана. Во-вторых, обещало более качественную солидаризацию вайнахов в борьбе с религиозным врагом. «Джихадизация чеченских и кавказских моджахедов началась в середине 1990-х и вылилась в октябре 2007 года в провозглашение «Кавказского эмирата» /КЭ/ на месте радикально националистической «Чеченской республики Ичкерия» [11]. Осторожно можно утверждать об определенной вынужденности подобного идеологического выбора. Притом трудно себе представить масштаб бедствия для целостности Российской Федерации в том случае, если бы джихадизация проекта «Ичкерия» и усиление позиций ваххабизма совпали по времени с образованием ИГИЛ на Ближнем Востоке.

Нынешнее положение дел в Северо-Кавказском федеральном округе таково, что угроза оживления исламистских настроений среди части общества по-прежнему актуальна. Но специфика этого макрорегиона в редком сочетании разнородных угроз идеологического порядка, среди которых исламизм занимает первое, но далеко не единственное место. Поскольку эти угрозы имеют и идеальную природу, чрезвычайно трудно предсказать точную картину и путь воплощения подобных политических идей. Отрезок времени от «дремлющего» состояния к актуализации лозунгов может быть весьма короток. Здесь залог живучести и привлекательности двойной лояльности в обществе с некоторыми чертами современного информационного типа. Этот феномен современного массового сознания часто носит фантомный характер и может произрастать из особенностей как этнической, так и конфессиональной самоидентификации индивида [2, с. 127]. Плодом таких коллективных мечтаний оказывается возникновение квазицивилизационных проектов – оформленных представлений об альтернативном пути политического и культурного развития данного социума, конфликтующих с господствующим дискурсом. Помимо исламизма к таким проектам, бытующим на Северном Кавказе, следует отнести пантюркизм, панкавказизм, а также комплекс идей о политическом самоопределении адыгской нации. В этой работе не ставилась цель подробного анализа каждого из этих явлений по отдельности, но речь сейчас должна идти о типологической схожести природы данных коллективных представлений.

Пантюркизм в этом ряду выделяется как более солидным возрастом, так и мощной цивилизационной составляющей. Согласно широко распространенному мнению под пантюркизмом следует понимать идейно-политическое течение, в основу которого положена мысль о политическом объединении тюркских народов и в конечном итоге создании общетюркского государства за счет территорий всех тех государств, где тюркоязычные этносы компактно проживают. У пантюркизма имеется более мягкая, культурно-образовательная версия, у истоков которой стоял крымско-татарский общественный и культурный деятель Исмаил Гаспринский (Гаспралы) [3, с. 75]. Суть ее заключается в поощрении взаимного стремления тюркских народов к культурному и языковому единству безотносительно наличия общего государства. Однако это ответвление, как правило, вспоминается в случае примиренческих манев-

ров пантюркистов, чаще же речь идет именно о цивилизационных и макрорегиональных амбициях, облеченных в имперские формы [9, с. 115; 1, с. 8]. Вот лишь главные элементы данной идеологической концепции:

- миф о Великом Туране и общем происхождении всех тюркоязычных этносов;
- обязательность политической и культурной ориентации тюркских народов на современную Турцию;
- идеализация турецкого опыта модернизации;
- требование политической и территориальной консолидации (прежде всего, за счет России и среднеазиатских государств) всех тюрков;
- тюркизация (в том числе насильственная) прочих этносов, географически и религиозно близких к тюркам.

При всей легковесности многих тезисов пантюркизма надо признать, что его пропагандистский потенциал на Северном Кавказе чрезвычайно высок. На лозунги подобного содержания охотно отзываются не только многие представители собственно тюркоязычных этносов (карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев и др.), но и прочих местных народов, традиционно исповедующих ислам. Имперское очарование османского прошлого оказывается очень притягательным и в силу конфессиональной близости, и по причине отсутствия в их истории непосредственного соприкосновения с экспансионистской политикой Оттоманской империи, что неизбежно порождает очевидную идеализацию прошлого. Как следствие – увлеченность в молодежной среде северокавказских регионов идеями пантюркизма. В русскоязычных социальных сетях (ВКонтакте, Моймир, русскоязычный сегмент Фейсбука) в 2016 г. было зарегистрировано 471 сообщество, посвященное возрождению в том или ином виде Османской империи. Общее количество подписчиков данных сообществ составило более 82 тысяч [2, с. 134]. Нельзя при этом проигнорировать тот факт, что разрушительный потенциал идеологии пантюркизма на Кавказе осознается уже давно местной культурной и политической элитой. Речь идет не только об угрозе турецкой территориальной экспансии, которая далеко не всем по душе в этом макрорегионе, но и о неприемлемости языковой и культурной ассимиляции тюрками прочих народов Северного Кавказа [8, с. 30, 47].

Адыгский политический национализм – одна из наиболее острых проблем на Северном Кавказе в контексте нашей темы. Она вырастает одновременно и из общерегионального центробежного (антироссийского в конечном счете) дискурса, и из узла серьезнейших вопросов с т.н. геноцидом черкесов (адыгского народа) в ходе Кавказской войны. Вот лишь некоторые из факторов, превращающие данный исторический вопрос в болевую точку идеологической борьбы в современной России:

- мощное информационное давление извне (как со стороны адыгских диаспор стран Ближнего Востока и Турции, так и со стороны западных этнологов, публицистов, политологов);
- отсутствие постоянной академической и прозрачной дискуссии по данному вопросу в современной России, что позволяет существовать в нашем информационном пространстве разноречивым мифическим трактовкам (так, например, тиражируется утверждение, что в результате геноцида адыгского народа Российской империей целенаправленно было уничтожено или выселено с Кавказа 4/5 всех черкесов)
- резкое несовпадение границ административно-территориального деления Российской Федерации с очертаниями территорий компактного проживания адыгских народностей;
- наличие значительных территорий, принадлежавших в прошлом различным адыгским племенным объединениям, но теперь заселенных представителями иных этнических общностей.

Отталкиваясь от прочной исторической памяти горцев Северного Кавказа подобное мифотворчество проникает в массовое сознание и может стать залогом осложнений в межнациональных отношениях, а в дальнейшем активно использоваться в деструктивных целях против нашей страны.

Идея кавказского политического (например, даже в виде конфедерации) и культурного единства, иногда неуклюже именуемая панкавказизмом, носит гораздо более искусственный, умозрительный

характер. С одной стороны, бросается в глаза ее исключительно антироссийская направленность при отсутствии какого-либо позитивного скрепляющего начала (достаточно сказать, что из более чем трех десятков найденных нами интернет-ресурсов этой идеологической направленности три четверти оказались русскоязычными, а оставшиеся либо англоязычными, либо двуязычными). С другой стороны, даже испытавшие на себе влияние этой идеи политические силы, как в Закавказье, так и на Северном Кавказе рано или поздно были вынуждены признать несостоятельность и бесперспективность идеологической работы в этом направлении по причине колоссального культурного плюрализма и цивилизационной разновекторности Кавказа.

Из всего вышесказанного приходится заключить, что на возникновение и утверждение в массовом сознании квазицивилизационных проектов воздействуют в равной степени как социальные, так и культурно-конфессиональные предпосылки. Поэтому преодоление данного негативного феномена современного российского (шире – русскоязычного) информационного пространства возможно только при учете его сложной культурной природы и оздоровлении социальных процессов в Северо-Кавказском макрорегионе.

Список литературы и Источников

- [1] *Абдулин Д.А., Чернов Г.Ю.* Пантюркизм как риск внешней политики Турции // Социальные нормы в условиях современных рисков. Материалы Международной научно-практической конференции: сб. статей. – Челябинск: ЧелГУ, ООО НИЦ «Антровита», 2017. – С. 5–9.
- [2] *Буданов М.А.* Меньшинства, диаспоры, малые группы: феномен двойной лояльности в русскоязычном информационном пространстве // Власть, информационные технологии, массовое сознание: основные тенденции современного политического развития: сб. статей. – М.: Аргамак-Медиа М, 2017. – С. 127–136.
- [3] *Васильева С.А.* Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть, 2011. №3. – С. 75–78.
- [4] *Мусайханов С.С.* «Шариатское государство» в реалиях Ичкерии (Чечни) // Социология власти, 2009. №6. – С. 72–80.
- [5] *Полунов А.Ю.* Этнополитические циклы в странах Запада и государственная национальная политика Российской Федерации // Власть, информационные технологии, массовое сознание: основные тенденции современного политического развития: сб. статей. – М.: Аргамак-Медиа М, 2017. – С. 44–60.
- [6] *Сажина В.А.* Москва многонациональная: взгляд на улицу VS статистики // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал), 2015. №50. – С. 152–167.
- [7] *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. – М.: Наука, 2001.
- [8] *Хапизов Ш.М.* Аварский народ и болмацI: борьба с пантюркизмом за право на существование. – Махачкала: АЛЕФ, 2014.
- [9] *Черноус В.В.* Этнонационализм и геополитические игры на Кавказе // Философия права, 2011. №2 (45). – С. 114–123.
- [10] *Шкира Н.В.* Пантюркизм, пантуранизм, «неоосманизм» и экономические интересы России и Турции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2014. №165. – С. 147–153.
- [11] URL: <http://tass.ru/politika/647962> (12.06.2017).